

Солженицына, следуя которым опера с ее простыми и выразительными звуковыми решениями выявляет, вопреки лагерному аду, счастье каждой минуты существования в преодолении, в ощущении жизненной перспективы”.

В данной статье фрагментарно изложено пространство музыкально-литературных смыслов и значений произведения А. Солженицына в современной музыкальной культуре, которое обеспечивает духовное развитие личности и формирует ее ценностные ориентации в области искусства и художественного творчества.

Список литературы:

1. Днепров, В. Д. Роман, живопись, музыка. К вопросу о романе культуры / В. Д. Днепров С единой точки зрения : Литературно-эстетические очерки. – Л., 1989. 214 с.
2. Медушевский, В. В. О закономерностях и средствах художественного воздействия музыки / В. В. Медушевский. – М. : Музыка, 1976. – 274 с.
3. Петрушанская, Е.М. Один день Ивана Денисовича и тема радио [электронный ресурс] – Режим доступа: http://artculturestudies.sias.ru/upload/iblock/698/hk_2018_03_112_135_petrushanska.pdf / Дата доступа: 21.11.2018

Потолков Ю. В.
(Брест, Беларусь)

УДК 82.09

НРАВСТВЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОМАНА А. СОЛЖЕНИЦЫНА « В КРУГЕ ПЕРВОМ»

Ключевые слова: народ; «шарашика»; традиции русской и мировой литературы; этап; лагерь; моральный выбор; общечеловеческая гармония; человеческое достоинство; патриотизм.

Аннотация: в статье анализируются нравственные проблемы романа, ведущая из которых – проблема народной морали. Эта мораль представлена как воплощение общечеловеческой духовной гармонии. Персонажам произведения – заключённым научной «шарашики» – приходится проводить годы в условиях несвободы, унижения, демагогической социальной фразеологии, тупоголового бескультурья лагерных властей. Но участники «шарашики» достойно противостоят ужасам гулаговской действительности: тесно связывают свою духовную жизнь с гуманизмом лучших образцов мировой литературы; сохраняют высокоинтеллектуальные взаимоотношения в своей среде; заинтересованно и глубоко осмысливают историческую действительность своего времени.

Название романа «В круге первом» можно объяснить двояко, поскольку сам писатель дважды обращается к выражению, составившему его название. В главе 44 читаем разговор дипломата Иннокентия Володина с Кларой – сестрой его жены: «Вот видишь, круг? Это отечество. Это – первый круг. А вот второй. – Он захватил шире. – Это человечество. И кажется, что первый входит во второй? – Нич-чего подобного! Тут заборы предрассудков. Тут даже – колючая проволока с пулемётами. Тут ни телом, ни сердцем почти нельзя прорваться. И выходит, что никакого человечества – нет. А только отечества, отечества разные у всех...» [1, с. 326].

Итак, через этот эпизод роман выходит к чувству тоски по общечеловеческой гармонии. В этом чувстве, как нам представляется, заключена нравственная проблема, красной линией прошедшая через всё творчество А. И. Солженицына. В высказывании Володина само отечество оказывается своеобразной «темницей» с правилами, жёсткими, чуждыми общечеловеческим интересам. Описанные в романе «В круге первом» зеки, оказавшись в 1949 году в научной «шарашке» в посёлке Марфино под Москвой, часто вспоминают (причём, с лёгкой иронией) классическую поэзию: «Чтобы написать «Сижу за решёткой в темнице сырой или отворите мне темницу, дайте черноглазую девицу – почти в тюрьме сидеть не надо, легко всё вообразить. Но это – примитив. Только непрерывными бесконечными годами воспитывается подлинное ощущение тюрьмы» [1, с. 262].

Значит, строчки М. Ю. Лермонтова и А. С. Пушкина – примитив? Конечно же нет. Просто времена этих великих поэтов не знали ещё той бездны унижения и падения, которая постигла советскую страну в 30-40-е годы XX века – страну Гулага. Нельзя не заметить, что герои романа многократно обращаются к высокой литературной классике как вместилищу гармонии.

Центральный персонаж «В круге первом» Глеб Нержин, один из заключённых научной «шарашки», и его жена Надя, которая находится на воле, одинаково несвободны. И в этом – судьба многих и многих. Судьба всего гордого народа, не имеющего возможности из круга первого перейти в круг второй.

Второе значение названия романа, несомненно, связано с образностью поэмы Данте Алигьери «Божественная комедия». Именно это значение раскрывается в заключительной – 96-й главе произведения. Здесь Нержин, отправляемый на этап, обращается к своему товарищу по несчастью Хороброву, который считает, что «шарашка» – ад: «Нет, Илья Терентьевич, это не ад. Это не ад. В ад мы едем. В ад возвращаемся. А шарашка – высший, лучший, первый круг ада. Это – почти рай» [1, с. 758].

Безусловно, обе из приведенных трактовки названия романа близки между собой. Однако ведущей следует признать первую, поскольку главенствуют в романе не сами картины страданий заключённых, а моральные поиски узников, их стремление сохранить в себе душевное достоинство, личную гордость и высоту помыслов. Как спасти в себе благородство? В этом вопросе заключается одна из моральных проблем романа. Заключённые в «шарашке» – высокие философы, знатоки мировой литературы, натуры ищущие и неуспокоенные. Куда до них твердолобым надзирателям всех рангов, вплоть до самого высокого? Глеб Нержин (в его образе, очевидно, угадывается сам писатель) задаёт себе вопрос: что такое народ? И приходит к выводу: «Не по рождению, не по труду своих рук и не по крылам своей образованности отбираются люди в народ, а по душе» [1]. Окончательный вывод звучит так: «Оставалось – быть самим собой» [1, с. 509]. Душа – это и есть сила, которая обеспечивает общечеловеческую гармонию и противостоит любым попыткам эту гармонию разрушить.

События романа укладываются в семь дней: «21 декабря 1949 года в четверг в пятом часу вечера государственный советник второго ранга Иннокентий Володин позвонил в посольство США и «раскрыл» советского разведчика, который должен выкрасть американский секрет атомной бомбы; в понедельник

26 декабря Иннокентия арестовали; 27 декабря Нержина и многих его товарищей по «шарашке» отправили на этап. Такая временная сжатость фабулы дала писателю возможность во всей полноте представить панораму жизни заключённых и их духовные поиски. Помимо этого ярко и выразительно показаны в романе «столпы» системы Гулага, начиная со И. В. Сталина и заканчивая каким-нибудь стукачом Сиромархой, ценой подлости покупающего для себя мизерные преимущества в своей арестантской жизни.

Осмысление нравственной сути понятия «народ» приводит писателя к осмыслению фигуры тогдашнего руководителя СССР. В романе вождь тоже пытается осмыслить духовную сущность своих граждан. Но суть эта не представляется ему явлением возвышенным. Не без внутреннего страха пытается И. В. Сталин списать собственные принципиальные просчёты на нравственное несовершенство общества: «Народ-то его любил, это верно, но сам народ кишел уж очень многими недостатками, сам народ никуда не годился, достаточно вспомнить: из-за кого отступали в сорок первом году? Кто ж тогда отступал, если не народ?» [1, с.112].

Читая такие суждения вождя, невольно вспоминается оценка, которую даёт народу Генерал в стихотворении Н. А. Некрасова «Железная дорога»:

Варвары, дикое скопище пьяниц,
Не создавать – разрушать мастера...

«Шарашка» в моральном смысле – одно из явлений народа. А. Солженицын и его герои явно опережали время: в шестидесятые годы, когда роман создавался, общество ещё не было готово к принципиальному осуждению большевистской системы. Но зеки «шарашки» делали именно это. Инженер Рубин, страстно защищающий, находясь в заключении, порядки социализма, ни у кого из страдальцев сочувствия и понимания не встречает. В одной из сцен заключённые, запертые в камерах, общетюремным хором с восторгом в глазах поют: «Вставай, проклятьем заклеимённый...». Слова партийного гимна, которые прерываются выкриками «Долой сталинских псов!», «Рабочей крови захотелось?», начинают звучать в необычном, опасном для властей смысле [1, с. 540].

Нельзя думать, что «В круге первом» – книга, в которой прежде всего осуждается тоталитарная система. Главная мысль романа – о путях дальнейшей жизни. И определены эти пути ещё в самом начале произведения, когда Нержин в споре с Рубиным цитирует одну из книг древнеиндийской философии Санкхья: «Счастье человеческое причисляется к страданию теми, кто умеет различать». И далее добавляет: «Счастье непрерывных побед, счастье триумфального исполнения желаний, счастье полного насыщения – есть страдание. Это душевная гибель, это некая непрерывная моральная изжога» [1, с. 50].

По нашему твёрдому убеждению, проблема счастья и составляет нравственную суть романа «В круге первом». Героям книги (то есть тем, в ком человеческое достоинство не угасло) неприемлемо счастье выживания во что бы то ни стало. Их душе чужды предательство и шкурничество. Поэтому и страдают, верны не личностям, не лозунгам, а своему стремлению к общечеловеческой гармонии, которая начинается с верности себе. Верность себе – это верность милосердию. Верность милосердию – душевная стойкость перед все-

лием хамства, стремление остаться самим собой. В центре одного из философских споров романа (Иннокентий Володин беседует со своим дядей – безвестным стариком из Твери) внимание концентрируется на словах А. И. Герцена: «Герцен спрашивает, – набросился дядя, наклонился со своим плечом (ещё в молодости позвоночник искривил над книгами), – где границы патриотизма? Почему любовь к родине надо распространять и на всякое её правительство? Пособлять ему и дальше губить народ?» [1, с. 462].

Выходит, что любовь к родине – это прежде всего верность самому себе, желанию, чтобы в общении между собой люди не делились на кланы и группы, не доказывали собеседнику своё несовершенство во имя укрепления собственного могущества. Человек может выйти «во второй круг», даже оставшись в одиночестве, если поймёт, что «счастье человеческое причисляется к страданию». В том-то и дело, что вряд ли справедливо тратить силы на разрушение старого: жизнь коротка. Идя вперёд, мы все попираем развалины древних культур, они попросту под нашими ногами лежат. Но эти развалины не враждебны нам, хоть повторять жизнь, копируя прошлое, бессмысленно.

Дворник в «шарашке» – почти слепой старик Спиридон – говорит Нержину: «Волкодав прав, а людоед – нет». В этих словах по-своему заключена дефиниция моральных споров в романе. Суть дефиниции такова: жизнь невозможна без противостояния, без борьбы, но борьба должна существовать только во имя созидания, во имя приближения «круга второго», то есть общечеловеческой гармонии. Волкодав спасает овец от волков; людоед пожирает ближних своих – без разбора. Волкодав – позиция; людоед – преступление. Автор романа ставит читателя перед моральным выбором. Необходимо, наблюдая за поведением ближних, ответить на вопрос: «Кто есть кто?». Каждому важно спросить также и самого себя: как из круга первого перебраться в круг второй? Как подняться над мелочностью бытовых распрей во имя планетарных моральных принципов? Как по железному пути человечества проходить «нежелезным»?

Перед вывозом на этап Нержин свой сборник С. Есенина отдаёт Спиридону (при шмоне всё равно отберут). Тем более, что С. Есенин для власть придержащих – враг. Спас музу. Спас правду. Спас С. Есенина от людоедов. Спасать поэзию от людоедов... Может быть, ничего другого в этой жизни и делать не нужно.

Нравственные взаимоотношения Нержина и Спиридона представлены в романе А. Солженицына как решающая суть его философского содержания.

Эти взаимоотношения весьма определённо перекликаются с духовными поисками героев эпопеи Л. Толстого «Война и мир». Образ Спиридона напоминает характер Платона Каратаева. В поведении Каратаева, как известно, выражена народная, крестьянская философия, удивительная приспособленность к обстоятельствам. Он – патриархальный крестьянин – не стремится быть поближе к властям; его духовная основа – вечные трудовые ценности, убеждённость в том, что человек должен любить жизнь, даже когда страдает.

О дворнике в романе «В круге первом» сказано примерно подобное: «И сейчас, в пятьдесят лет, заключённый, почти слепой, очевидно обречённый здесь, в тюрьме, умереть. – Спиридон не выказывал движения к святости или к унынию, или к раскаянию или тем более к исправлению (...), но со старатель-

ною метлою своей в руках каждый день от зари до зари мёл двор и тем отстаивал свою жизнь перед комендантом и оперуполномоченным. Что любил Спиридон – это была земля. Что было у Спиридона – это была семья. Понятия «родина», «религия» и «социализм», употребительные в будничном повседневном разговоре, были словно совершенно неизвестны Спиридону – уши его будто залегли для этих слов и язык не поворачивался их употребить.

Его родиной была – семья. Его религией была – семья. И социализмом тоже была семья» [1, с. 518].

Для Глеба Нержина дворник Спиридон Данилович – воплощение того великого и таинственного феномена, имя которого – народ: «С тех пор, последние пять – шесть воскресений, рассказы Спиридона замерцали давно желанной глубиной. Вечер за вечером перед Нержиным прошла жизнь одной единственной песчинки – русского мужика, которому в год революций было семнадцать лет и перешло уже сорок, когда началась война с Гитлером [1, с. 511].

Спиридону не была присуща смиренность Платона Каратаева, но сближала с ним привязанность к вечным патриархальным ценностям. Эта привязанность была отмечена Нержиным как спасительная основа народного характера.

Знаменательно, что Нержин читает дворнику стихи именно Сергея Есенина. В условиях несвободы стихи этого поэта начинали звучать как голос пусть глубоко запрятанного, но протеста. Характерна сцена разговора Нержина с одним из властьпридержащих – майором Шикиным: « – Ну вот, пожалуйста, – вздохнул майор и прочёл бесчувственно, мяся, как тесто, стихотворную ткань:

Неживые, чужие ладони!
Этим песням при вас не жить,
Только будут колосья – кони
О хозяине старом тужить

Это – о каком хозяине? Это – чьи ладони?» [1, с.737]

Пугают Шикина и такие строки поэта:

«Розу белую с чёрной жабой
Я хотел на земле повенчать...

И дальше тут... На что намекается?»[1, стр. 737].

А. Солженицын замечает в сцене разговора Нержина с Шикиным: «Чёрной жабой сидел перед ним короткорукий большеголовый, чернолицый кум» [1, с. 737].

Спиридону же поэтические строки Есенина близки и понятны. Особенно живо он оценил стихи «Хороша была Танюша» и «Молотьба» [1] – произведения, в которых воплощены перипетии сельского бытия.

Подводя итоги сказанному, следует подчеркнуть, что в романе «В круге первом» осмысливается нравственная атмосфера в стране в период репрессий. Утверждается, что и в это трудное время народная трудовая философия оказывалась победительной и гуманистически активной.

Список литературы:

1. Солженицын, А. В круге первом / А. Солженицын. – М. : Худож. лит., 1990.